

сивымъ молодымъ чиновникомъ берлинской магистратуры. Однажды, рано утромъ, проходя мимо квартиры своей возлюбленной, селадонъ вздумалъ кратковременнымъ визитомъ сдѣлать сюрпризъ дамѣ своего сердца. Но едва онъ вошелъ въ ея комнату, какъ вслѣдъ за тѣмъ раздался въ дверь другой сильный стукъ. Молодой дамѣ, полагавшей, что это стучится какая-нибудь сосѣдка, казалось очень неприятно быть застигнутой, въ такую раннюю пору, въ компаніи съ молодымъ человѣкомъ. Надѣясь скоро отдѣлаться отъ этого визита, она спросила своего селадона войти въ гардеробный шкафъ, и когда это было сдѣлано, послѣдъ заперла его. Но кто опишетъ ея ужасъ, когда, отворивъ дверь, она увидѣла передъ собою судебного пристава, явившагося, чтобы опечатать имущество молодой дамы вслѣдствіе поданнаго на нее иска въ нѣкоторой суммѣ, особъ, уплатѣ которой она, вѣроятно забыла. Чиновникъ, быстрымъ взоромъ окинувъ скромную обстановку квартиры, обратилъ свое исключительное вниманіе на шкафъ, который, судя по его солиднымъ размѣрамъ, долженъ былъ заключать достаточное количество костюмовъ для покрытія иска. Въ этихъ видахъ судебный приставъ пригласилъ молодую даму открыть этотъ шкафъ. Г-жа Берта Н... по-краснѣвая до ушей, объявила, что она потеряла ключъ. Исполнитель закона недовѣрчиво улыбнулся и, сказавъ, что онъ сходитъ за слесаремъ, наложилъ извѣстную синюю печать на замочную скважину. Когда судебный приставъ вышелъ изъ комнаты, заключенный въ шкафу сталъ умолять хозяйку выпустить его; но ни нѣжныя просьбы, ни угрозы не помогли; молодая дама, боясь послѣдствій, умоляла его перенести эту невзгуду, такъ какъ онъ все равно не укрѣпится отъ судебного пристава, который могъ возвратиться сію же минуту; дѣйствительно спустя нѣсколько минутъ исполнитель закона снова явился, и на этотъ разъ въ сопровожденіи слесаря; молодая дама выбѣжала имъ на встрѣчу и подала ключъ. Судебный приставъ, отпустивъ слесаря, беретъ ключъ, снимаетъ печать и отпираетъ шкафъ, но тотчасъ же въ ужасѣ отступаетъ назадъ. Молодая дама, упавшая въ обморокъ, приходитъ въ себя, пораженная возгласомъ: „Карлъ, какъ попалъ ты сюда?“ Положеніе было въ высшей степени комичное, неподдающееся описанію. Злой рокъ хотѣлъ, чтобы исполнитель закона, отецъ, „наложилъ печать“ на своего собственного сына, чиновника магистрата.

(Изъ № 148 Рус. Вѣд.).

#### СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

**Засѣданіе особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.**

*Дѣло о совершенномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.*

*Засѣданіе 28-го марта 1881 года.*

(Продолженіе).

По открытіи засѣданія въ 10 ч. утра первоприсутствующій предложилъ исполняющему обязанности прокурора произнести обвинительную рѣчь.

Исполняющій обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената Н. В. Муравьевъ. Гг. сенаторы, гг. словенные представители! Призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній, когда-либо совершавшихся на русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ, лежащей на мнѣ задачи. Передъ свѣжею, едва закрывшеюся могилею нашего возлюбленнаго Монарха, среди всеобщаго плача отечества, потерявшаго такъ неожиданно и такъ ужасно своего незабвеннаго Отца и Преобразователя, я боюсь не найти въ своихъ слабыхъ силахъ достаточно яркаго и могучаго слова, достойнаго того великаго народнаго

горя, во имя котораго я являюсь теперь предъ вами требовать правосудія, виновнымъ требовать возмездія, а поруганной ими, проклинающей ихъ Россіи—удовлетворенія! Какъ русский и вѣрнопопавшій, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я исполню свою обязанность, проживъ въ нее все силы, всю душу свою; но на моемъ пути есть одно, не легко преодолимое препятствіе, о которомъ я не могу не сказать вамъ, потому что увѣренъ, что съ нимъ столкнетесь—или уже столкнулись и вы. Трудно, милостивые государи, быть юристомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія, когда при одномъ воспоминаніи о событіи 1-го марта—неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ и дрожать въ горлѣ, когда все, что есть въ странѣ честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отщепеніи; трудно, но для насъ, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о безпристрастіи и спокойствіи всесторонняго судебного разсмотрѣнія, о судѣ на точномъ основаніи всѣхъ правилъ и гарантій судопроизводства говоритъ намъ самый законъ, данный тѣмъ же Мудрымъ законодателемъ обновленной Россіи, чей еще такъ недавно свѣтлый и милостивый образъ мы съ горестью видимъ теперь передъ собою обличеннымъ въ трауръ по Его безвременной кончинѣ. Судебное слѣдствіе, полное потрясающихъ фактовъ и страшныхъ подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человѣческой гибели, такую ужасающую картину извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ, что намъ понадобится все мужество и все хладнокровіе гражданина, предъ которымъ внезапно открылась зияющая глубокая язва родины, и отъ котораго эта родина ждетъ перваго ближайшаго, свѣдѣнаго средства для своего исцѣленія. Для того, чтобы произнести надъ подсудимыми судъ справедливости и закона, намъ предстоитъ спокойно изслѣдовать и оцѣнить во всей совокупности несмываемыя пятна, злодѣйски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое исповѣданіе убійства, всеобщаго разрушенія—и въ этой горестной, но священной работѣ да поможетъ намъ Богъ!

Вѣдѣнія Промысла неисповѣдимы. Совершилось событіе неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидѣтелями преступленія, подобнаго которому не знаетъ исторія человечества. Великій Царь-Освободитель, благословляемый милліонами вѣковыхъ рабовъ, которымъ Онъ даровалъ свободу, Государь, открывшій своей обширной странѣ новые пути къ развитію и благоденствію, человѣкъ, чья личная кротость и возвышенное благородство помысловъ и дѣяній были хорошо извѣстны всему цивилизованному міру, словомъ Тотъ, на Комъ въ теченіе четверти столѣтія покоились всѣ лучшія надежды русскаго народа—палъ мученическою смертію на улицахъ своей столицы, среди бѣлаго дня, среди кипящей кругомъ жизни и вѣрнаго Престола населенія! Я постараюсь доказать въ послѣдствіи, что въ этой обстановкѣ преступленія, которую убійцы въ своемъ циническомъ самолюбіи приписываютъ своему могуществу, оказалась лишь особая злостность адски задуманнаго плана и простое сфлеленіе роковыхъ случайностей; теперь же я долженъ остановить вниманіе особаго присутствія на самомъ событіи этого преступленія, и пригласить высокое судилище вмѣстѣ со мною углубиться въ его невыразимо тягостныя подробности. Это не фактъ, это исторія. Съ глубоко-сердечною болью я вызываю это страшное воспоминаніе о царубійствѣ, но я не могу сдѣлать иначе, по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что изъ кроваваго тумана, застилающаго печальную святыню Екатерининскаго канала, выступаютъ передъ нами мрачныя облики царубійцы; во-вторыхъ... но здѣсь меня останавливаетъ на минуту смѣхъ Желябова, тотъ ве-

сельный или ироническій смѣхъ, который не представлялъ его во время судебного слѣдствія и который вѣроятно заставитъ его и потрясающую картину событія 1-го марта встрѣтить глумленіемъ. Но я вижу среди подсудимыхъ людей, которые, каковы бы они ни были, все-таки не въ такомъ настроеніи, какъ Желябовъ, и потому я рѣшаюсь еще разъ подвергнуть общую печаль его глумленію—я знаю, что такъ и быть должно: вѣдь когда люди плачутъ, Желябовъ смѣется! И такъ я не могу не говорить о самомъ событіи 1-го марта во-вторыхъ потому, что въ настоящія торжественныя минуты суда я хотѣлъ бы въ послѣдній разъ широко развернуть передъ подсудимыми картину событія 1-го марта и сказать имъ: если у васъ осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что чувствуютъ и понимаютъ другіе люди, носящіе образъ Божій—любуйтесь! Вы этого хотѣли, это дѣло рукъ вашихъ, на васъ лежитъ эта чистая кровь!

День 1-го марта... кто изъ насъ, кто изъ жителей Петербурга не помнитъ, какъ начался и какъ проходилъ этотъ воистину черный день, мельчайшія особенности котораго неизгладимо вѣзались въ память каждого. Обычная чередой шла воскресная, праздничная суета огромнаго города, не смотря на нависшее свинцовыми тучами пасмурное снѣжное небо; на улицахъ привычнымъ потокомъ переливалось людское движеніе, и ничто среди этой пестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровавадыя мысли убійцы. Около часу дня окончился въ Михайловскомъ манежѣ разводъ въ Высочайшемъ присутствіи, на этотъ разъ отъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, и Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, оставивъ манежъ, изволилъ захватить для завтрака въ Михайловскій дворецъ. Въ 3-мъ часу дня Императорская карета, выхавъ изъ дворца, проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ Театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго коннаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади, въ саняхъ, другъ за другомъ полицеймейстера полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы, подъ Императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смѣтаніе. Испуганные, еще не отдавая себѣ отчета въ случившемся, смутились всѣ: не смутился лишь одинъ, Помазанный Божій, невредимый, но уже двумя часами отдѣленный отъ вѣчности. Спокойный и твердый, какъ нѣкогда подъ турецкимъ огнемъ на поляхъ имъ же освобожденной Болгаріи, онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только что задержанъ народомъ повидимому причинившій взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, Государь Императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго направился къ задержанному, уже окруженному едва не растерзанною его толпою. Эта толпа—что бы ни говорилъ Желябовъ, кричала: „Дайте намъ, мы его разорвемъ!“ Не узнавъ Государя, мучимый страхомъ за Его участь, стоявшій по близости подпоручикъ Рудыковскій спросилъ у окружающихъ: что съ Государемъ? Вопросъ былъ услышанъ Самимъ Монархомъ, Который, оглянувшись и, какъ бы отвѣчая на него, изволилъ произнести: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ“... и съ этимъ неоконченнымъ восклицаніемъ Государь Императоръ обратилъ и свои мысли и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ же у ногъ Его раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-ти лѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова. Бѣдный мальчикъ—да будетъ вѣчно сохранена его память—кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Тогда опечаленный Повелитель Русской